

РАЗДЕЛИТЕ НАШУ РАДОСТЬ

Был субботний вечер. Несколько молодых людей, видимо, договаривались о планах на следующий выходной день. И один из них уже с подножки трамвая крикнул приятелям:

— Значит, встречаемся после «Утренней почты»...

— Многие тогда на остановке улыбнулись этой фразе, смущенно поймав себя на мысли, что мы действительно нередко сверяем свои часы по программе телепередач.

А иные, впрочем, очень даже охотно верят в так называемый «информационный взрыв». Мол, хочешь — не хочешь, а внимай, на те и изобретен телеэкран. Мы, говорят, сегодня кругосветное путешествие можем совершить, не снимая домашних тапочек...

Заманчиво, конечно, но при условии, что, избегав каких-то физических затрат, мы не пожалеем душевных. В конце концов даже кинохроника из какой-нибудь страны «пылающего континента» можно смотреть по-разному. Кто-то и не оторвется от домашних дел, а у кого-то вдруг резко заколет в левом боку, нахлынут свои воспоминания. Нет, беспокойство должно вызывать не обилие информации, а то, что не каждый находит выход собственным мыслям и эмоциям, порожденным ею.

Я думаю, не случайно то, что сегодня столько людей в свободное время ищут картины, стихи, музыку, играют на самодеятельной сцене. Это гораздо больше, чем просто досуг, хобби. Это — стремление высказаться, выразить свое отношение к тому, за что ответствен современник человек.

Я нахожусь под впечатлением двух любительских спектаклей. Очень разных, но одинаково побуждающих к размышлению о гражданской и нравственной сути самодеятельного творчества.

...Давно зная коллектив народного театра «Молодая гвардия» Дома культуры имени В. Маяковского, я все-таки насторожилась, услышав, что очередная его премьера — Театр времен Нерона и Сенеки — по пьесе Э. Радзинского. Не много ли на себя взяли? Ох, как не просто приблизить те почти

мифические времена, чтобы слова древних мудрецов породили не новые слова, а готовность к поступку.

Но и заподозрить ребят из «Молодой гвардии» в простом искусстве примерить на себя римские тоги не могла, помня их предыдущие спектакли «Нажда над ручьем», «Взрослая дочь молодого человека». Кстати, в первом из них действие тоже происходит в далекие от нас времена, в пятнадцатом веке. Но кто скажет, что главный герой этого спектакля — поэт Франсуа Вийон сошел к нам с иллюстрации учебника истории? Как обжигал зрителей пламень его баллад, в котором чудились отблески других костров — инквизиции всех времен и мастей. И эти видения рождало прежде всего гражданское чувство самих актеров-любителей, взволнованность их собственной души.

Громкие слова? Но иных театр и не должен знать. Говорить возвышенно о возвышенном всегда было его привилегией, и тем он нетерпимее к тому, что способно низвести «жизнь духа» до воинствующей бездуховности. Эту мысль и доказывает новый спектакль «Молодой гвардии».

По сути, на сцене идет судебный процесс над философией диктаторства. Кровавые деяния римского императора Нерона — лишь начало жесткой параллели, которую участники спектакля ведут к частному случаю могильных крестов, обреченных гнить под тенью свастики, и дальше — к современным преемникам «величайшего убийцы».

Есть они и у Сенеки, наставника Нерона. Этот ученый муж поначалу претендует на самую бесстрастную роль — судьи. Однако мудреца с гордой осанкой прерывает в согбенного старика дознавательство его собственной вины в том, что стало возможно торжество тирании. Нет, он не учил Нерона убивать, он просто не мешал, предпочитая ограничиться красноречием там, где требовалось действовать. Имена преемников Сенеки не вошли в историю, но их и поныне надо опасаться там, где процветает лживая мораль и молчаливое соглашательство.

Чтобы полнее передать впечатление об этом спектакле, наверно, особо следовало бы отметить, что С. Кулагин, исполнитель роли Нерона, по профессии физик, а В. Гришин (Сенека) — врач и т. д. Но в данном случае это как раз не самое существенное. На сцене они выглядят не менее профессионально, если говорить об их актерских навыках. Более ценным представляется их стремление вложить в образ свое личное понимание, отношение к нравственным проблемам, затронутым в спектакле. И если в характере персонажа что-то сопротивляется их собственной человеческой позиции, тем яростнее они ее отстаивают. В этом доверии к личности исполнителя еще раз проявил себя высокий профессионализм режиссера С. Ярмолинца, нынешнего руководителя «Молодой гвардии».

Прошло то время, когда зрители аплодировали самодеятельным артистам за одно то, что узнавали под грифом Чацкого или короля Лира своих друзей и знакомых. Право на зрителя, а значит и собеседника, сегодня обретает лишь тот, кто, выходя на сцену, стремится прежде всего быть услышанным и понятым как личность, гражданин. И без помощи специалистов высокого класса здесь не обойтись. Поэтому сегодня нет парадокса в том, что сильна та самодеятельность, которую воспитывают профессионалы. Речь, разумеется, идет не о подмене одного другим, а о необходимости помочь любителям правильно организовать творческий процесс, обрести уверенность в своих силах.

Иначе, разве бы отважился кандидат физико-математических наук при полном зрительном зале спеть знаменитую арию Канио в опере «Паяцы»? А между тем и об этом спектакле хочется говорить как о событии в культурной жизни. Феноменом является и само существование народной оперы в Доме культуры медицинских работников. «Паяцы» — нынешняя премьера этого уникального коллектива.

Мы привыкли думать, что опера — искусство, доступное далеко не всем. Даже слушать ее — своего рода

труд, не говоря уже о том, чтобы петь в ней. А здесь атмосфера прямо-таки «домашнего» театра. Нет, все как в настоящей опере, только миниатюрнее, ближе к зрителю. И во всем чувствуется не преувеличенность, а избыток чувств. Порой даже не знаешь, кому они принадлежат больше — героям спектакля или самим актерам. Увлекаешься не только тем, что происходит на сцене, соответствует известному сюжету из жизни бродячих комедиантов, но и с любопытством всматриваешься в лица тех, кто его разыгрывает. В первую очередь удивляет, сколь разные исполнители по возрасту, иных разделяет несколько поколений. В жизни это нередко оказывается серьезным барьером для взаимопонимания даже близких людей. А здесь сцена... Однако все очень непосредственны, доброжелательны и искренне взволнованны. И чем естественнее человек, тем увереннее его голос. А что может быть важнее в опере, особенно, когда самая трудная нота — впереди?

И только по чуть заметной, ободряющей улыбке концертмейстера Л. Ахмедовой, напряженным и придиричьим взглядам режиссера Л. Верниковского и педагога по вокалу С. Жигановой, четкой жестикуляции дирижера-хормейстера Т. Гудковой понимаешь, что это далеко не импровизация, опера на самодеятельной сцене — это труд вдвойне.

Не каждый из нас решится выйти даже на самодеятельную сцену. Мало одного желания и для того, чтобы взять в руки кисть, написать книгу. Речь не о том, чтобы непременно открыть в себе какое-то творческое дарование. Главное — это поддержать в себе то состояние души, когда мы вдруг ощущаем, каким огромным чистом нитей связаны с миром, людьми, их болью и радостями. И они не должны прерываться на нас, а тянуться дальше, к другим людям, становиться крепче, надежнее. Мне думается, те, о ком здесь рассказано, наполнили свою жизнь именно таким смыслом.

О. СТРЕЛЬНИКОВА.